

Воздыхание входящего внутрь, вступающего в храм, вникающего в образ

Белый храм – светлый витязь, один из со-ратников на диком поле духовной брани, восстающий из небытия, из поругания, из руин – из рубцовой ткани шрамов на лице моей земли пред ликом Господним... В пространстве против-стояния за нашу – мою Святую Русь, за жизнь вечную этого мира, лично мою вечную жизнь вне пределов

исторического бытия... Белый храм Преображения Господнего - погружён в пучину истории, в самую стремнину времён, где малой брэнной частицей – во взвихренном, вспученном потоке – моё малое «я» - взирает на его могучие, дивные, укоренённые в святости формы, силится проникнуть внутрь и прильнуть робким пониманием к остаткам живописного пространства образа Божьего в нём. И трепещет вникающий в него чахлый образ во мне самом, трепещет, вздрагивает от узнавания, мучается непониманием, не причастностью, дикостью своей, изнывает в отчуждённости, грубости, - стенает навывший в пошлости внутренний сонный и дебелий человек мой... обезображенный образ Божий.

Белый храм Преображения Господнего, - совершенна его вымоленная, выстрадавшая архи-тектурная форма – возделанное тело, храм его души, святилище Духа Господнего. Несравненен архитектурно – живописный ансамбль пространственного во-ображения человека – сохранён во внешней форме словно внеприродного нам нынешним инобытия... сохранён и во внутреннем устройении храма... сохранён отчасти... в полноте, вероятно, достаточной нашему неразумию, - достаточной и неоценимой - к нашему вразумлению... - толцйте – и отворят вам... и откроется образ.

Помышляем так, что не умалется и не умалится, ничуть и вовеки не иссякнет Христом литургия, утратив образ, и совершенно расточив, даже извратив образ – не исчезнет, пока Сам Бог - таинственно пре-существляет Себя и пре-подаёт Себя в ней. И в рубище – святость... и в поругании, и в распятии – Бог. Но умалится с образом – угаснет торжество для нас, немощных и обез-славленных во грехе. Для нас, для нас, жаждущих образа – о существе его, о нас перед ним - преломлены вселенскими отцами суждения словесных копий, соборне выверена и восторжествовала православная истина – в торжестве почитания образа, восторжествовал Сам Бог в образной при-ближенности к нам. Образом живописанным - восторжествовала радость наша внутри литургии, восторжествовал и образ Божий в нас, пробуждаемый и воспрянувший, освежённый, ободренный в дерзновении ко Господу – вос-стала из небытия радость - образом живописанным перед нами, вокруг нас, - образом, вмещающим в своё торжество, во-ображающим – нашу литургию. Не потому ли столь болезнены, столь трагичны теперь утраты того, чем были одарены прежде, что преподнесено православию в дар, преподанный и откровенный народу Божьему, церкви на молитвенные воздыхания и Богоизбранное стратотерпчество. Не от того ли столь трагично переживаем теперь без-образие или вне-образие, даже и всяческую образную расслабленность, выхолощенность образа в литургии. И не от того ли столь радостно – обретение хоть бы малой толики былых даров, быть может, неоценённых прежде, и не оплаканных в постепенных утратах.

Пробуждается жизнь живая в восстающих витязях – воях – храмах Божиих, устремивших крестоносные главы – шеломы к небу, – там – Господь... «генерал наш» - вспомним суворовское красное словцо в науке победительной. Пробуждается жизнь – молитва внутри, пробуждается литургия и Сам Господь, пре-существляющий Себя внутри храмовых стен, внутри пространственного образа – оживотворяет Собою пространство, вмещающее церковь – со-брание со-братьев, облакающих во Христа. Непробудно ли духовное бытие внутри Преображенского храма, внутри удивительного

пространства сохранённого его образа. Не к тому образ в нём, чтобы взирали на него отстранённо, любопытно, познавательно, велико-мудро, восхищённо... и без-жизненно вне Самого Христа, вне литургии. Да не станет от-влечённою от Христа радость наша об обретаемом образе Божьем. Отвергнем от себя помыслы осудительные, отринем в благодарности к без-ценному, сохранённому нам едва ли не промыслительно.- образу устоения литургического пространства. Вникнем с научением, с о-сознанием его и себя – в нём, вникнем, возжаждав литургии... и Господь – управит всё во благовремении – веруем так.

Чист и распахнут перед нами откровенный образ. Уже ли совершенно нет жизни внутри его пространства, нет живого Христа Бога в литургии во-ображённой и не совершаемой здесь нынче. Рыдают ангелы о литургии на опустевшем и порушенном престоле. Но нет литургии, живо цветущей внутри образного объёма. Удалён живой Бог от образа, повыветрен и насильственно, усилием людским - не впущен внутрь образа с общей молитвой и служением, с священно-деланием совместным. Словно бы выплеснута полнота из чаши опустелой, выставленной напоказ, на обо-зрение вне Христа. Образ велико-лепый, - торжественное украшение вне торжества, праздничное убранство вне пира брачного, вне Жениха, вне самого ожидания Его, вне памятования о Нём... - к любованию, к пред-ощущению, пред-вкушению встречи без самого вкушения и без самой встречи пространство это. Вос-поминание и любование, научение и поминовение, музейная бережливость и охранение без-ценного наследия, изысканные помышления и научные проникновения в суть вещей, суждения – пересуды о былом здесь прежде... всё это... но только не сам Пир брачный... не Сам Бог – здесь, внутри образа опустошённого нынче от литургии. Вникнем же... и, осознавая утрату, возрыдаем здесь об Утраченном.

И вникающие – объёмлем ли словом и слабым осознанием увиденное и открывающееся... как вкусим своим неразумным сознанием и робкой душой – распахнутый внезапно, ослепительно, оглушительно в целостности своей... и раскрывающийся постепенно, чинно и во утробы, в сердце пронзительно - образ, сохранённый нам. Как приступлю к нему... «откуда начну плакати» пред ним о грехах своих... о нём, раскрывающемся, велико-лепном о Господе.

В немощствовании перед самой задачей, на которую вознамерил себя – «откуда начну...» - и облегчу участь своего дерзновения, своего личного осознания образа и говорения о том. Станем же помышлять отдельно о частях видимого нами, по возможности объединяя эти части целостным осознанием их. Об образе в куполе и световом барабане храма, об устройении образа в подкупольном кресте и в алтарной части храма, о уединённом особенном образном пространстве «Троицкого придела» на северных хорах. Живопись в куполе и в световом барабане, в «Троицком приделе» столь замечательно сохранна, позволяет судить о ней, достаточно обоснованно, не измучивая себя фантазиями и жалением об утраченной полноте образа. Основное же пространство храма изувечено временем и невозполнимыми потерями живописи до почти полной неузнаваемости, не познаваемости целого в образе... Суждения наши, по возможности, не станем смешивать с фантазийной гадательностью и – выделим в различные разделы – очерки о частях пространственного образа.

Господи, благослови! И – внидем, не смущаясь ничесоме, - вникнем любопытствующей десницей своего неразумия. И воскликнем ли тогда вослед за Фомою, заживо вос-хищенные Распознанным здесь: Господь мой и Бог!